
**КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

**К.А. РУДЕНКО. КАЗАНСКИЕ АРХЕОЛОГИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ А.П. СМИРНОВА И А.М. ЕФИМОВОЙ).
МОНОГРАФИЯ. КАЗАНЬ: РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“ШКОЛА”, 2020**

© 2022 г. С. В. Кузьминых¹, *, С. П. Щавелев², **

¹ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

² *Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия*

*E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

**E-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.

После доработки 05.04.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010123

“75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается” (С. 7) это издание. Оно и по содержанию несет интересный материал о судьбах и трудах советских археологов в период военных лет. Составителя и комментатора, издателя этой замечательной эпистолярной коллекции Константина Александровича Руденко можно поздравить с очень удачной работой. Она продолжает цикл его публикаций о казанских археологах, по историографии и истории изучения Волжской Булгарии (Руденко 2008; 2010; 2014 и др.).

В кратком, но концептуальном “Введении” составитель очерчивает историю археологии в Казани, начиная с предреволюционных времен и заканчивая послевоенными годами. Революции и гражданская война, борьба советской власти с буржуазным наследием в гуманитарной сфере и “год великого перелома” разрушили здесь археологический центр – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. По всем краям России в 1920-е годы активно работали краеведческие объединения, но в 1930 г. они в большинстве своем были закрыты, многих краеведов репрессировали (Щавелев, 2007. С. 78). К тому времени старшее поколение казанских археологов (А.Ф. Лихачев, П.А. Пономарев, Н.Ф. Высоцкий, А.А. Штуkenберг и др.) уже сошло в могилу. Имевшие опыт раскопок и вузовского преподавания Б.Ф. Адлер, В.Ф. Смолин, Б.Е. Крелленберг, М.Г. Худяков к началу 1930-х годов покинули Казань. Их ученики археологическую работу не продолжили. Составитель верно отмечает главную причину свертывания археологии в российской

провинции того периода – “разрушение системы университетской учебной подготовки в области гуманитарных дисциплин” (С. 8). Отмечена деятельность единственного археолога в Казани 1930-х и последующих годов – Николая Филипповича Калинина (1888–1956) (Харитонович, 2013). Тактично отмечены его заслуги и его недостатки как ученого и краеведа, по сути дела основоположника современной казанской археологии.

Пожалуй, стоило еще упомянуть о неудачных попытках продолжить в Казани археологию – Ученую архивную комиссию (1916–начало 1920-х годов), Северо-Восточный археологический и этнографический институт (1918–1921) (Кузьминых, Смирнов, 2015), Академический центр и Музейный отдел Народного комиссариата просвещения ТАССР (Руденко, 2014. С. 75). В том же ряду рекогносцировочные раскопки в 1928 г. крупнейших средневековых памятников Казанского Кремля, Иски Казани, Болгара, Биляра, Джукетау экспедицией по изучению болгаро-татарской культуры, организованной НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Академическим центром Татаркомпроса под руководством А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и при участии Н.Ф. Калинина (Набиуллин, 2011. С. 18; Руденко, 2014. С. 72, 73; Белозерова, Кузьминых, 2016. С. 102, 103). К сожалению, эти работы не вылились в долгосрочную программу исследований городов Волжской Булгарии и не увеличили кадровый состав местных археологов.

Возобновление профессиональных раскопок на казанской земле связано с работами москвича А.П. Смирнова (1999–1974) — выпускника археологического отделения факультета общественных наук 1-го МГУ, ученика В.А. Городцова и Ю.В. Готье, сотрудника Института истории материальной культуры (ИИМК) и Государственного Исторического музея (ГИМ). Именно Алексей Петрович стал куратором археологических изысканий в Волжско-Камском регионе с начала 1930-х годов (Научное наследие... 1999; Овчинников, 2008). А.А. Формозов, порой критично относившийся к предшественникам, об этом ученом отзывался неизменно уважительно: “окончил классическую гимназию и учился у дореволюционной профессуры” (Формозов, 2006. С. 44). Хотя на самом деле Смирнов закончил не гимназию, а реальное училище, подготовка у него действительно была получше, чем у выпускников ранних советских школ, младших учеников Городцова.

Письма А.П. Смирнова адресованы А.М. Ефимовой (1903–1990), которая после десяти лет педагогической работы в 1937 г. была принята на службу в Казанский Центральный музей (Кокорина и др., 1991; Руденко, 2010. С. 90). Александра Михайловна была из семьи служащих, закончила Восточный педагогический институт. Она стала надежной представительницей интересов московской экспедиции в Казани. Когда с началом Отечественной войны музей прекратил экскурсии, ее уволили по сокращению штатов, но она продолжала ходить в музей как на работу, занимаясь сверкой и составлением каталога музейных коллекций — делом многих лет ее жизни. В мае 1942 г. Ефимову вновь приняли в штат музея, до 1953 г. она возглавляла исторический отдел. По словам сослуживцев, Александру Михайловну отличали “ответственность за выполняемое дело, живой ум, чуткость, глубокая интеллигентность, неизменный интерес к современности, обаяние” (Три поколения... 2020. С. 12). Так что адресат у публикуемых писем был достойным их автора — авторитетного ученого А.П. Смирнова.

Раздел “Предисловие” представляет читателю авторов переписки. Сжатые биографии поданы ярко, читатель видит живых людей, участников диалога и их родственников, сотрудников Института истории материальной культуры, ГИМ и Государственный музей Татарской республики (ГМТР). Охарактеризована архивная коллекция, которая публикуется в книге.

Составитель уловил психологическое влияние войны на настроения советских археологов. Хотя война фактически прервала не только раскопки, но и кабинетные работы ученых, “но именно в те годы был заложен нравственный фундамент казанской археологии 1950–1960-х годов. Он был во многом идеалистический — дышащий наивно-

стью первооткрывателей, трепетностью осознания своей миссии в истории и преданности идеалам в науке и людях. Конечно, проявлялось это по-разному, если брать конкретного человека. В годы войны рождалась острая жажда мирной жизни и работы, далекой от голодной и нищей реальности, полной ежеминутного страха за своих близких...” (С. 12). Так что именно после войны в Казани появились свои археологи, главным образом женщины, причем вполне зрелого возраста, — А.М. Ефимова, О.С. Хованская, З.А. Акчурина. По справедливому замечанию составителя, именно на женских плечах сформировался после войны “скелет” казанской булгаристики (С. 65).

Личный архив одной из них — музейной сотрудницы А.М. Ефимовой, ее супруг, историк В.И. Адо (1905–1995) разместил в научных архивах, а ее переписку с А.П. Смирновым передал в Отдел редких книг и рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Публикация К.А. Руденко знакомит нас с этими письмами.

Документы опубликованы правильно: по годам и номерам в хронологической последовательности, указаны место отправления послания, его дата, текст (с указанием архивных листов), описание конверта, бумаги и чернил, штампов и пометок, комментарии публикатора. Комментарии точные, содержательные по исторической части, тактичные по отношению к межличностным отношениям ученых и членов их семей.

В письмах бегло отражены научные сюжеты, которыми занимались корреспонденты: датировка кремневых орудий из сборов, старых и новых раскопок из собрания ГМТР; публикация каменных сверленных топоров эпохи бронзы с территории Казанской губернии; подборки монет из раскопок 1938–1940 гг. городской бани средневекового Болгара; древнерусские кресты-энколпионы, найденные в Казанском крае; работы по татарской эпиграфике (по материалам средневековых каменных надгробий Болгара); новые поступления в ГИМ, где служил А.П. Смирнов; работы ГМТР в те годы. В них немало информации о выставках, конференциях, издательской деятельности, защите диссертаций в Москве и Казани военных лет.

Личные переживания корреспондентов отражены в их письмах иногда и вскользь. А.П. Смирнов делится тяжестью потери арестованного С.И. Вавилова, передавая слух о его смерти (а тот в 1941 г. еще сидел в тюрьме). Составитель очень деликатно комментирует нравственно болезненные моменты жизни археологов. Убедительно охарактеризованы конфликтные моменты при сотрудничестве А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина. Подчеркивается, что через все письма Алексея

Петровича проходит уважительное, товарищеское отношение к трудам и жизненным проблемам своего старшего коллеги. Он дорожит дружескими отношениями с А.М. Ефимовой, ее мужем В.И. Адо и близким кругом казанских музейщиков (В.М. Дьяконов, О.С. Хованская, Н.Г. Первухин, П.М. Дульский), старается поддержать Александру Михайловну практическими советами в вопросах взаимоотношений с коллегами в музее, организации работы исторического отдела и ее научной деятельности. Начиная с 1945 г. в письмах естественным образом для руководителей археологической экспедиции обсуждается круг ее участников, подготовка к раскопкам, включая вопросы быта и отдыха.

Интересна информация о разведках в 1943 г. гипсовых выработок по р. Каме П.П. Ефименко и С.Н. Бибиковым, археологами ИИМК, эвакуированными в Елабугу. Цель поисков — выбор убежищ для партизанских отрядов на случай прорыва врага в глубину страны. Другое любопытное сообщение касается поездки А.П. Смирнова в июне-июле 1945 г. в Германию в составе комиссии по определению музейных ценностей, вывезенных из СССР, и отбору трофейных коллекций из музеев Берлина и Дрездена (С. 58–61).

В письмах и комментариях то и дело сообщаются сведения об эвакуированных из Москвы и Ленинграда ученых. Упомянута директор Исторического музея Анна Самойловна Карпова (1883–1968), названная комментатором “русской революционеркой” (С. 63). Она подается в таком качестве Википедией. Стоило более точно охарактеризовать ее как члена РСДРП с 1902 г. и партийного функционера после революции. Период ее директорства в Московском институте философии, литературы и истории (1935–1940) знаменитые выпускники отмечают с благодарностью — спасала преподавателей и студентов от репрессий (В том далеком ИФЛИ... 1999. С. 4, 14).

Из писем видно, как тяжело жилось в годы войны советским людям. Нехватка продовольствия у научных работников, бывших то и дело на грани голода (“Мы в Москве живем по-военному и, мягко говоря, нуждаемся в продуктах” — признается А.П. Смирнов летом 1942 г.; голодала и А.М. Ефимова с сыном Анатолием, будущим историком, который школьником ради выживания подрабатывал возчиком); холод в квартирах из-за отсутствия топлива (“Наш дом не отапливается и в квартире у нас 4–5° по С”) (С. 43); немыслимая перегрузка коммунальных квартир. А ведь археолог Смирнов добровольцем участвовал в обеих мировых войнах; в составе московского ополчения осенью 1941 г. попал в немецкое окружение и пробился из него к своим. Если человек такой закалки жалуется на нехватку провизии, значит, вокруг него еле выживали. Его учитель В.А. Город-

цов оставил тогда в дневнике запись: “Мне снова начали сниться голодные сны” (Городцов, 2015. С. 371), и таких свидетельств в его дневнике множество (Белозерова, Кузьминых, 2015. С. 66, 67). А что говорить о тех, кто пережил блокаду Ленинграда.

В начале издания логично помещены фото-портреты А.М. Ефимовой (1934 г.) и А.П. Смирнова (1960-е годы) из личного архива составителя. Раздел “Иллюстрации” удачно дополняет текст писем. Среди 15 изображений первые 3 отражают раскопки Болгарского городища 1938 г., а остальные фото демонстрируют отдельные конверты, титулы почтовых карточек и тексты писем из книги. Читатель может прочесть их в оригинале, что психологически важно для того, чтобы почувствовать дух эпохи.

В выходных данных книги она представлена как “монография”. С этим трудно согласиться: перед нами публикация писем, издание документальное, источникового характера. Предисловие и комментарии публикатора к эпистолярным документам тут имеются, как и положено при их научной публикации. Сейчас “монографии” чиновники от науки сделали одним из показателей деятельности ученых — отсюда, как видно, и желание любое издание представить именно так.

На первой (с текстом) странице книги содержится название вроде бы серии публикаций: “Документальная история казанской археологии XX века” (С. 2). Но в составе выходных данных на обороте титульного листа такое определение почему-то отсутствует. Обычно в таких сериях издания нумеруются. Должно быть, перед нами первый выпуск.

Тираж издания — 100 экземпляров. Остается надеяться, что его электронная копия получит более широкое распространение, чего книга явно заслуживает.

Редактора и корректора издательство “Школа” не указывает, что превращает его просто в типографию. Опечаток в книге много, они почти на каждой странице. Помимо многочисленных пропусков букв, лишних запятых и отсутствия запятых, встречаются еще наивные ошибки в наречиях и других вроде бы простых словах. Для вполне академической по содержанию и оформлению книги это не очень важно, но все же ... Корректор нужен любому автору, и никакой компьютерный набор не отменит этого правила. Упомянем, что несколько раз упоминаемая в комментариях медаль “За доблестный труд” полностью называлась “... в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

Погрешности печати никак не снижают положительной оценки этого издания. Историки археологии пока больше увлекаются нарративом, описанием раскопок и находок, иногда идей, а вот антропологические первоисточники науки о

древностях скупно цитируются. Издание К.А. Руденко дает прекрасный образец документального издания, где эпистолярные тексты знаменитого археолога правильно опубликованы и всесторонне прокомментированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозерова И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. С. 14–85.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС — НАСЛЕДИЕ. Т. 1. Татарстан — Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 100–126.
- В том далеком ИФЛИ: Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / Сост. А.Г. Коган и др. М.: МГУ, 1999. 512 с.
- Городцов В.А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых. Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. 695 с.
- Кокорина Н.А., Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А.* Памяти Александры Михайловны Ефимовой // СА. 1991. № 2. С. 300, 301.
- Кузьминых С.В., Смирнов А.С.* Археология в Северо-Восточном археологическом институте // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 214–240.
- Набиуллин Н.Г.* Джукетау — город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
- Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сб. тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1999. 142 с.
- Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов. Казань: КГТУ, 2008. 288 с.
- Руденко К.А.* Археолог Н.Ф. Калинин — заметки к юбилею // Ежегодник-2008 Национального музея Республики Татарстан. Казань: НМ РТ, 2008.
- Руденко К.А.* Археология XX века: две жизни — две судьбы. О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: МОИН РТ, 2010. 176 с.
- Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 768 с.
- Три поколения казанской семьи Адо. Публикация третья // Казанские истории. Культурно-просветительская газета. 2020. 9 апреля. С. 12.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. 344 с.
- Харитонович В.А.* Деятельность Н.Ф. Калинина в Центральном музее ТАССР в 1920-е годы (По материалам Национального архива РТ) // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 209–213.
- Щавелев С.П.* “Дело краеведов ЦЧО” 1930–1931 гг. (Курский “филиал”). Курск: КГМУ, 2007. 272 с.